

Ольхов Павел Анатольевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Белгородского государственного университета
тел.: (961) 165-12-13

**ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ:
К РАЗМЫШЛЕНИЯМ
Т. КАРЛЕЙЛЯ [1]**

Аннотация:

В статье актуализируются представления об историческом познании британского философа и историка XIX столетия. Отмечается диалогический (несводимый к логико-эпистемологическим структурам) характер познавательных установок Карлейля, принципиальное понимание им истории как словесной реальности.

Ключевые слова:

история, историческое знание, историческое мышление, диалог.

Olkhov Pavel Anatolievich

Candidate of Philosophy,
associate professor of the chair of philosophy,
Belgorod State University
tel.: (961) 165-12-13

**MISSION OF HISTORY:
TOWARD THE REFLECTIONS OF
T. CARLYLE [1]**

The summary:

The article actualizes the submission of the historical knowledge of the British philosopher and historian of the XIX century. The author emphasized a dialogical (logically or epistemologically irreducible) status of the cognitive attitudes of Carlyle, the fundamental understanding of history as a verbal reality, realized by the thinker.

Keywords:

history, historical knowledge, historical thinking, dialogue.

*Совокупность вещей – не что иное,
как бесконечное спряжение глагола Д е л а т ь . [2, с. 263]*

Вопрос о предназначении истории как данности познавательного опыта никогда не становился тривиальным вопросом философских исследований: ответы на него всегда были сопряжены с риском понять историю либо наивно-метафизически, как всеобщую связность того, что «было на самом деле», либо как трансцендентальный концепт, или правило мышления, имеющее исключительно регулятивный познавательный смысл. В ситуации теоретического плюрализма, распространившегося в философско-исторических исследованиях в конце XX – начале XXI вв., вопрос о предназначении истории является прежде всего ретроспективным, «ностальгическим» (Фр.Р. Анкерсмит), и означает необходимость переосмысления тех ответов, которые были даны на него с некоторой первоначальной полнотой в XVIII–XIX вв., когда исторические исследования оказались в числе безусловных приоритетов европейских мыслителей. Среди ответов того времени специального внимания заслуживает телеология истории Томаса Карлейля (1795–1881), британского философа и историка, предпочитавшего крайностям телеологического выбора сопряжение различных смысловых горизонтов исторического познания.

Сжатый очерк смыслов истории Т. Карлейль предложил в двух своих статьях – «Об истории» и «Об истории – вновь»; повторение и герменевтическое расширение принципиальных установок, изложенных в этих работах, происходило в конкретно-исторических исследованиях, фундаментальных трудах «Французская революция. История», «Письма и Речи Оливера Кромвеля» и «История Фридриха II» (часто предваряемых историческими рассуждениями общего характера), эссе о Новалисе, Дидро, материале лекций «О героях и героическом в истории» и др. Повсюду исходным для Карлейля является понимание исторического исследования как *способа сохранить полноту исторического события*, несводимого к непротиворечивым познавательным структурам или основаниям.

Полнота исторического события есть *полнота действия*, участники которого руководствуются различными осознаваемыми или неосознанными побуждениями, интуицией, тактическими расчетами или даже философскими программами; историк, который стремится к достоверности исторического события в его деятельной полноте, не может не принимать во внимание основания этих действий и, вместе с тем, не может не учитывать меру собственного познавательного участия, которое мотивировано иначе, нежели у его первых свидетелей и творцов. Историк, разумеется, не отменяет и не создает вновь этого события, но усмотрение общих, «стяженных» его смыслов, его оснований и смысловых перспектив не может не происходить без участия историка. Событие не существует в абстрактной познавательной полноте исторически бывшего; оно является фактом участного мышления историка и воссоздается историком

из оставленных взаимодополняющих и взаимоисключающих высказываний первых свидетелей исторического события (только об очень простых событиях возможны непротиворечивые свидетельства) – и само является, стало быть, в некотором стяженном порядке, который ему придает, высказываясь о нем, в свою очередь, историк. Как следует ему высказаться, будучи в сознании ограниченности своих высказываний и, впрочем, зная, насколько ограничены высказывания различных свидетелей совершившегося события?

Карлейль отвечает на этот вопрос, последовательно оставаясь в границах своего событийного или, точнее, событийно-речевого реализма. Попытки выбрать теоретическую парадигму для критического истолкования или реконструкции истории он оставляет уже в момент своего познавательного самоопределения; подобным образом он отказывается остановить свой выбор на отрицании каких бы то ни было парадигм. Слово в его внутренней диалогической определенности становится спасительной инстанцией исторического понимания Карлейля. И. Тэн, числивший себя учеником Карлейля, писал о нем, как о «мыслившем сердцем» [3, с. 194–195]. Это не означает ни смысловой спонтанности его исследований, ни того, что Карлейль стремится к некоей этической чистоте или ограничивает их положительными этическими смыслами. Умное историческое письмо *sage writing* Карлейля отличается ценностно-нормативным и стилистическим разнообразием (этого не удастся скрыть даже в русских, в большинстве своем сглаживающих это разнообразие переводах). Карлейль как историк, предпочитающий быть внимательным ко всему, что образует целое события, воздерживался даже от конципирования исторических «трансцендентальностей». «Крайне опасно, когда нация, порвав свои политические и общественные установления, превратившиеся для нее в погребальный саван, становится *трансцендентальной* и должна прокладывать себе дикий путь сквозь хаотическое Новое, где сила еще не отличает дозволенного от запрещенного, и преступление и добродетель бушуют вместе, нераздельные, во власти страстей, ужаса и чудес!» [4, с. 399]. (Ср.: «незримое сердце всего, трансцендентальное отчаяние» [5, с. 536].) Исследователь, согласно Карлейлю, не может и не должен стремиться к единой теоретической модели истории, «безднам пенящейся логики» [6, с. 37]. С другой стороны, его собственные исследования не есть и простое познавательное мастерство, «*the only fittest study*», – они являются целостным познанием, познанием как таковым, «*the only study*» [7, с. 423].

Историк, один из многих участников исследуемого и воссоздаваемого им исторического события, как будто беззащитный перед многообразием первоначальных свидетельств и последующих точек зрения на это событие, не может себе позволить ни навязать, ни растворить свою точку зрения другим участникам исторического события. В опыте своего участного мышления он представляет в некоем стяженно-смысловом виде различные события, принимая в них участие прежде всего словесно, внося свою лепту в словесно материализуемые практики исторического познания. Различны познавательные структуры и основания исторических свидетельств; сопрягая их, принимая в них участие, Карлейль как историк оказывается *диалогически* причастен истории как *передаваемому знанию* – длящемуся в веках историческому *разговору*, с его ценностно-нормативными и индивидуально-личностными ориентирами («Посланию», создаваемому, как историческое событие, *каждым, и для каждого*). Отсюда Карлейль находит возможным придавать своим высказыванием иносказательный вид: исторические события не могут быть описаны линейным образом и требуют, как минимум, *двойной меры* – того, что высказывается о них, и того, что высказывается о невысказанном.

Самый, пожалуй, яркий афоризм Карлейля, характеризующий понимание истории как некоей диалогичной реальности познания, – «Narrative is *linear*, action is *solid*» [8, с. 221], «Повествование *последовательно*, действие *цельно*». Карлейль как историк и философ эпохи стремительного формирования «исторического сознания *участников*» [9, с. 588] выработал навыки познавательного мастерства, в котором, как видно, дают себя знать неподрасчетные, экзистенциальные аспекты исторического мышления. История не является поиском некоего Прошлого, бывшего на самом деле, «потерянного времени» [10, с. 9] («Не называйте же прошлого, со всеми его заблуждениями и бедствиями, потерянным временем!» [11, с. 9]); оно и не есть концепт какого бы то ни было Прошлого. Оно есть именно познание-передача, познание, которое не отменяет и не схематизирует исторически былое как прошлое событие, но уточняет его как некую предназначенную к высказыванию открытую полноту смыслов исторических событий (их различным образом понимаемой целесообразности). Иначе, история есть «Послание», *Message*, постольку, поскольку «человек по своей природе может быть определен как “воплощенное слово”» [12, с. 613]. Послание сохраняет познавательное единство истории как словесной реальности и является *экзистенциальным* выбором того, кто говорит от имени «всего Человечества» и того «каждого человека», кому оно направляется. Этот выбор, передаваемый как общая ценность, из поколения в поколение, происходит, конкретным образом, в

пользу некоего возобновляемого «совершенства» – в познавательной-речевой полноте трудов практикующего историка, в которых начинают жить новой жизнью прежние высказывания, неповторимые и наполненные передаваемыми смыслами документы истории.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 11-03-00011 «Методологические стратегии культурно-исторического подхода в социально-гуманитарных науках: интерпретация, конвенция, перевод».
2. Тэн И. Новейшая английская литература в современных ее представителях. СПб., 1876.
3. Там же.
4. Карлейль Т. Французская революция. История. СПб., 1907.
5. Там же.
6. Там же.
7. Carlyle T. Critical and Miscellaneous Essays. Boston, 1857.
8. Ibid.
9. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
10. Карлейль Т. Указ. соч.
11. Там же.
12. Там же.

References (transliterated) and notes:

1. This work was supported by a grant of RHF. Project No. 11-03-00011 "The methodological strategies of cultural and historical approach to social and humanitarian sciences: interpretation, convention, translation".
2. Ten I. Noveyshaya angliyskaya literatura v sovremennyh ee predstavitelyah. SPb., 1876.
3. Ibid.
4. Karleyl' T. Frantsuzskaya revolyutsiya. Istoriya. SPb., 1907.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Carlyle T. Critical and Miscellaneous Essays. Boston, 1857.
8. Ibid.
9. Ankersmit F.R. Vozvyshenniy istoricheskiy opyt. M., 2007.
10. Karleyl' T. Op. cit.
11. Ibid.
12. Ibid.